

Две недели спустя темной прохладной ночью, когда тишину нарушали лишь легкие порывы ветра и чуть слышная постуль лошадей, Наполеон уезжал на остров Эльбу, где росло много цветов.

5 мая 1814 года. Остров Эльба.

Перед последней битвой

На острове Эльба росло много цветов: тюльпанов, полевых гвоздик и ромашек. В день приезда на остров, не обращая внимания на скромную встречу, Наполеон стал собирать цветы. Поставив их в красивый кувшин, Наполеон надолго задумался. Он ждал встречи с маршалами. Впереди было 18 июня 1815 года. Впереди было Ватерлоо.

17 января 1984 года. Ленинград. Историческое описание.

Ольга Бешенковская

* * *

Мандарины зимой удивительно пахнут
С первой елки твоей — до последней отдышки...
Вот лежишь, и зрачок ожидаем распахнут,
И щека согревает ладошки-ледышки,
Потому что на вкрадчивых елочных лапах,
Расщепляясь и в каждую щелочку юркнув,
И висит, и течет, и баюкает запах,
Беззащитный, шекотный, щемящий, уютный...
Словно горькие губы лишь в лоб целовали,
Извиняясь как будто за каменный привкус,
Если сказочным замком сквозит в целлофане
Мандаринного детства оранжевый призрак...
Словно где-то вдали моросит мандоллина,
К пробуждению тоньше, протяжней и глуше...
Ты послушай, как пахнут зимой мандарины,
Как зима

мандаринами пахнет, —
послушай:

Вял, от ропотной, робкой улыбки снежинки,
Мимолетом угаданной (было — и нету),
До остриженных веток, скребущих с нажимом
В аккуратной тетради начального неба...
Излучают витрины зарю мандаринов,
И смягчаются щеки зачерствелых горбушки, —
Словно всю эту зиму тебе подарили,
В новогоднюю ночь положив под подушку,
И мерзает она в сербристой обертке,
И нельзя на нее надыхать-наглядеться,
Потому что зима, что сегодня обрел ты,
Протянула —

метели —
от самого —
детства...

* * *

Дворородный лире левучий кувшин
И галькой Селеновой эллипс лимона
Прохладцы глазам, как телам крепдешии
В полуденном зное, томящем до звона
В ушах, до мифической связи сирен
С оливковой мухой, в девицах — навозной,
Вулкана — с букетом, — сарьяновский крен
Июльской природы, готовой на воздух
Взлететь из последних расплавленных сил,
Снимает, как приступ, сквозная терраса
Миражем осенним, и дышит настил,
Не сдавленный ворсом и пылью паласа
Полянного... Кто изобрел витражи?
Наркотик для зренья, эффектный дьячок:
Слева одеяльце лоскутное лжи,
А после — мозаика памяти, яда
Целебная доза... И падает жар,
И столбик венозный бледнеет, как будто
Снижается в воду оранжевый шар,
Висящий над сыном, сидящим как будда;
И бой в барабанных, слабющий в стон
Настенных... И оспа газетного фона...
И вот проступают кувшин и лимон —
Бессмертная и совершенная форма!

Из цикла «Широколиственный июнь»

* * *

Смешав дыхания, — зажглись
Спной к умытым палисадам...
Смотри:
    шиповник и жасмин
Цветут-неистовствуют рядом.
Как будто шепот-разговор
Перерастал в бунгарский створ,
И словно за борт —
    за забор
Швырнуло сладко и рисково!
И не потух, и не продрог

(И кто мудрее, чем лихне!),
Их поцелуй вдоль всех дорог
Пылает бакеном стихии,
Перевернувшей гладь шоссе
На черноту, на амальгаму,
На глубину природы всей,
Где облака — под мотыльками.
...Жасмин

...Шиповник
    ...Лучик ржи

И взгляд, осекшийся смеяться,
...С ума сойти, как пахнет жизнь,
Зайдясь чахоточным румянцем!...

* * *

Угомнилось. Улеглось.

Грозило — и не разразилось.
Шевелит ветер теплый силос
Сухих светлеющих волос.
Гудят ромашки, как шмели
Над головой...

Еще немного —
И нас обратная дорога
Отрежет
    рельсом
    от земли.

И слова станет недосуг
Вглядеться в сводчатую воду,
Доверив гром громоотводу.
А не глазам, сверкнувшим вдруг,
Как в заговоре озорства
Минутном, спрятанном ладошкой,
И — улеглось...
    Еще немощко!
Еще — цветов из рукава!...